

СССР и ленд-лиз в 1941–1945 годы

А. Ю. Борисов*

Вопрос о том, какую роль сыграли американские военные поставки Советскому Союзу (так называемый ленд-лиз) во время Великой Отечественной войны для приближения победы над фашизмом? до сих остаётся предметом острых дискуссий историков.

Анализ архивных материалов «с той и с другой стороны» позволяет заключить, что Вашингтон рассматривал поставки СССР по ленд-лизу прежде всего как помощь «самим себе» и тщательно их дозировал на протяжении всей войны. Вместе с тем представляется неоправданным превалировавший у нас долгое время взгляд, берущий своё начало с известной работы Н. А. Вознесенского, что ленд-лиз якобы занимал незначительное место в общих военных усилиях Советского Союза и не мог существенно сказаться на ходе войны.

Альбер Уикс (Albert Weeks), почетный профессор Университета Нью-Йорка (New York University), автор книги «Спасательный круг для России. Помощь по программам ленд-лиза для СССР» (Russia's Life-Saver: Lend-Lease Aid to the U.S.S.R. in World War II), говорит, что Советский Союз был крайне заинтересован в этой программе: «В течение нескольких дней после нападения нацистов, Сталин вступил в контакт с Рузвельтом и Черчиллем и обратился к ним за помощью. Он даже просил о направлении британских и американских дивизий на советско-германский фронт. Вашингтон и Лондон тогда приняли решение поддержать Советский Союз, как жертву нацистской агрессии».

Малоизвестно, что британские части принимали участие в боях на советско-германском фронте. Так, в 1941 году небо Мурманска прикрывало 151-е авиакрыло истребителей Hurricanes.

Владислав Зубок (Vladislav Zubok), профессор истории Университета Темпл (Temple University) отмечает важное психологическое значение ленд-лиза: «Американцы очень сильно сомневались, можно ли распространять ленд-лиз на СССР, потому что ожидали, что под напором нацистов страна рухнет. И казалось, что в августе-сентябре 1941 года для этого прогноза были все основания. Заявление Рузвельта о том, что надо помогать Советскому Союзу и, что блицкриг обязательно провалится, стало серьезной психологической поддержкой для советских людей».

Важно также учитывать при рассмотрении организации военных поставок, что американцы, следуя постулатам «баланса сил» и в целом трезвой оценке военно-стратегической ситуации, достаточно оперативно, по меркам капиталистического государства, откликнулись на обращение за помощью Советского Союза и привели в действие весьма инертный бюрократический механизм, мобилизационные возможности которого, как и вся система принятия решений в демократическом обществе, существенно уступали в кризисной ситуации организационным способностям Страны Советов.

На этой почве в дальнейшем возникали серьезные разногласия, особенно в начальный

---

* Александр Юрьевич Борисов — д.и.н., профессор Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

период войны, когда ситуация на фронте, возникшая в результате стратегических просчётов Кремля, накладывала отпечаток подозрительности на действия союзников в сочетании с затягиванием ими открытия второго фронта. Наряду с этим присутствовало и стремление сталинского руководства объяснить собственные упущения чужими «происками».

На следующий день после нападения Гитлера на Советский Союз, утром 23 июня, действуя по указанию президента Рузвельта, «его человек» в Госдепартаменте С. Уэллес огласил официальное заявление, в котором нападение Германии на Советский Союз квалифицировалось как вероломное и подчеркивалось, что «любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, из какого бы источника эти силы ни исходили, ускорят неизбежное падение нынешних германских лидеров и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности». В заявлении, правда, ни слова не было сказано об оказании поддержки Советскому Союзу. Но и советское правительство, надо сказать, пока ещё не ставило этот вопрос.

Днём позже сам Рузвельт (до него это уже сделал Черчилль) заявил на пресс-конференции: «Разумеется, мы намерены оказать России всю помощь, какую только сможем». Однако он ушел от ответа на вопросы, в какую форму выльется эта помощь и будет ли распространен на Советский Союз закон о ленд-лизе. Тем не менее в тот же день в Вашингтоне было объявлено об отмене блокирования советских финансовых операций, а еще через день — о решении не применять к СССР ограничений, предписанных законом о нейтралитете, что давало ему возможность закупать в США военные материалы и перевозить их на американских торговых судах.

В Москве хотели большей ясности, поэтому по указанию НКВД вечером 26 июня состоялась встреча К. А. Уманского с С. Уэллесом, который заявил, что «американское правительство считает СССР жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии» и что отпор этой агрессии, предпринимаемый советским народом, «соответствует историческим интересам Соединенных Штатов». Уэллес подчеркнул, что американское правительство «готово оказать этой борьбе всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и их наиболее неотложными нуждами».

Итак, намечалась значительная область взаимного согласия. К. А. Уманскому было поручено обсудить с американскими руководителями конкретные размеры и характер помощи СССР. 30 июня он вновь встретился с Уэллесом и передал ему заявку на необходимые военные поставки из США, состоявшую из 8 пунктов и включавшую истребители, бомбардировщики, зенитные орудия, а также некоторое оборудование для авиационных и других военных заводов на общую сумму 1,8 млрд долл. с предоставлением кредита сроком на 5 лет. В ходе беседы Уэллес заверил посла, что передаст советскую заявку Рузвельту и что американское правительство «безотлагательно» приступит к ее деловому обсуждению.

Однако на практике дальше разговоров с американской стороны дело не пошло. И главная причина заключалась в том, что в Вашингтоне сомневались, устоит ли Советский Союз перед гитлеровским «блицкригом». Главным поставщиком панической информации было американское посольство в Москве в лице самого посла Л. Штейнгардта. «Я предвижу, что Советское правительство вскоре бросит Москву», — телеграфировал он 26 июня в Вашингтон. Спустя несколько дней посол мрачно предсказывал, что немецкая армия вступит в советскую столицу «через пару месяцев, а может быть, немного раньше».

В Вашингтоне многие были уверены, что СССР постигнет судьба Франции, и поэтому уговаривали президента воздержаться от поставок оружия в Советский Союз, чтобы оно не попало в руки немцев. В громком хоре скептиков и малoverов тонули мнения трезвых политиков, таких как, например, бывшего посла США в СССР Дж. Дэвиса, который в интервью агентству ЮПИ заявил, что Красная Армия еще «поразит и удивит мир».

Судя по всему, большие сомнения и колебания в отношении ближайшего будущего Советского Союза испытывал и сам глава Белого дома. 10 июля Рузвельт принял впервые за два года советского посла. В беседе К. А. Уманский заявил, что для победы над гитлеровской Германией нужно крепкое, согласованное сотрудничество между всеми антигитлеровскими силами. Посол подчеркнул решающее значение борьбы советского народа с общим врагом и указал на важность понимания этого обстоятельства при распределении военных поставок. «Немцы, — говорил он, — обрушили на нас буквально всю мощь своей военной машины, перебросив силы

из Франции, авиацию, действовавшую против Англии, и, наверное, из ряда других районов, где антигитлеровские силы, благодаря нашему мощному отпору, получили известную передышку. Поэтому следует ожидать, что эти антигитлеровские силы, с полным пониманием всей важности нашего фронта для нашего дела и для их национальной безопасности, согласятся с необходимостью немедленных и широких поставок нам, по нашей заявке, невзирая на возможное нарушение существовавших планов и расписаний».

Президент ответил уклончиво. Правда, он согласился в принципе с тем, что «необходимы теснейшее сотрудничество антигитлеровских сил и уступки ряда видов американского снабжения той стране, борьба которой в данный момент имеет наибольшее значение для всех с точки зрения успеха общего дела», но в отношении советской заявки уходил от определенного ответа, давая понять, что вопрос находится все еще в стадии обсуждения. Вместе с тем Рузвельт подчеркнул: «Если бы русские смогли устоять перед немцами до 1 октября, это имело бы неопределимое значение для разгрома Гитлера, так как после этой даты эффективные боевые действия против России были бы невозможны и последующее сковывание большого числа немецких войск и техники имело бы большую практическую ценность в обеспечении окончательного поражения Гитлера». Итак, «испытательный срок» Советскому Союзу был установлен в духе традиционного американского прагматизма.

Хорошо понимая, какие сомнения одолевали американских руководителей, советское правительство активизировало усилия по укреплению отношений с США и разъяснению положения на советско-германском фронте. Конкретно речь шла о двух крупных дипломатических акциях — визите в Вашингтон советской военной делегации во главе с генералом Ф. И. Голиковым и поездке в Москву ближайшего советника президента Рузвельта Г. Гопкинса.

17 июля, перед отъездом в США, генерала Голикова инструктировал И. В. Сталин. Важной задачей миссии являлось разъяснение американским руководителям, что Красная Армия полна решимости драться с врагом до конца и что немецко-фашистским захватчикам не удастся сломить советский народ. В беседе рассматривались также вопросы о приобретении в США вооружения и стратегических материалов, о доставке их в СССР и о получении займов. Обсуждалась также возможная позиция американских

руководителей в свете политической обстановки в США, борьбы различных сил и тенденций.

25 июля, по пути задержавшись в Англии, советская делегация прибыла в Вашингтон. Ее работа протекала в сложных условиях: сказывалось стремление американских руководителей затянуть решение вопроса о поставках «до прояснения ситуации». В заявлении Госдепартамента, опубликованном накануне переговоров, настораживала фраза о том, что советская миссия прибыла «для исследования и координации возможностей (!) военных закупок в США». Американские дипломаты расточали улыбки, выражали сочувствие борьбе советского народа, но серьезных разговоров избегали. В частности, С. Уэллес не захотел рассматривать новые советские предложения, пока не будет принято решение по предыдущей заявке, и отказался обсуждать политические вопросы, выходящие за рамки военных поставок.

Американские военные на переговорах с членами советской делегации держали себя подчеркнуто сухо и сдержанно, если не сказать враждебно. Начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл, ссылаясь на недостаточный уровень американского военного производства, раздраженно заявил, что американское правительство «даст то, что уже есть, но не может дать того, чего еще нет». В кабинете военного министра Стимсона, как бы иллюстрируя его отношение к Советскому Союзу, во всю ширь стены висела карта Европы с явно ошибочной линией советско-германского фронта. Если верить ей, то многие советские города, среди них Мурманск и Петрозаводск, были уже в руках оккупантов. Советские военные в этой беседе решительно отвергли утверждения тех, кто ждал поражения Красной Армии и скорой победы Гитлера.

Принимавший участие в переговорах посол К. А. Уманский сообщал в Москву, что беседа «выявила то враждебное отношение к нам военного министра и его аппарата, которое мы чувствуем буквально с первого дня войны». Хотя министр обещал, что США в меру своих сил помогут Советскому Союзу, он тут же заявил, что его правительство не пойдет на это, «работая вслепую». «Мы должны знать точно и видеть своими глазами, как используется наше вооружение», — сказал он. Посол обращал внимание советского руководства на тенденцию в американских правящих кругах использовать еще не предоставленную помощь Советскому Союзу «для проникновения в наши дела».

Еще не приступив к поставкам, американские военные уже настойчиво говорили о необходимости направить в Советский Союз различных наблюдателей и контролеров, в том числе и прямо на фронт. Имелись сведения, что эти требования выдвигались в расчете на отказ Советского Союза, который мог быть использован в качестве доказательства его «нежелания» сотрудничать с США в военных делах. С советской стороны был с самого начала взят верный тон с американцами в этих «щекотливых» вопросах, что имело большое значение для последующих отношений. Конкретные проблемы решались в связи с военной необходимостью и строго подразделялись между собой по значению.

Все эти трудности, естественно, сказывались на ходе переговоров в Вашингтоне. Подчеркивая их затяжной характер, советский посол писал в НКВД в конце июля: «Вопросы решаются невероятно медленно, без учета темпов и размаха войны... Поныне, ровно через месяц после вручения нашей вооруженческой заявки, мы не имеем ответа на нее, если не считать прямого отказа в зенитках намеченных нами калибров... Каждый практический вопрос решается с невыносимыми проволочками, при сопротивлении аппарата, особенно военного министерства и госдепартамента, после бесконечных непроизводительных совещаний».

Для посла и членов советской делегации было ясно, что только энергичное вмешательство самого президента могло вывести переговоры из тупика. Встреча с Рузвельтом состоялась 31 июля, когда Гопкинс уже находился в Москве. Время аудиенции было определено в 15 минут. Вот как описывает беседу с президентом в своих воспоминаниях генерал Голиков: «С первых же минут встречи мы почувствовали благожелательное отношение Рузвельта к представителям Советского государства. Он держался просто, непринужденно, был внимателен к каждому из нас. Когда прошло 15 минут, президент не выказал никакой торопливости. Разговор затянулся. В целом атмосфера встречи выгодно отличалась от обстановки тех бесед, которые до этого нам пришлось вести с американскими представителями, — слишком много в них было нервозности и натянутости».

С советской стороны разговор был деловым и конкретным. Подчеркивалось, что вопросы в США решаются крайне медленно или не решаются вовсе, а дело подменяется бесконечными словопрениями. Президент оживился и сказал,

что ему и самому надоели бесплодные совещания, и обещал ускорить решение всех проблем. В то же время в конкретных делах он держался по-прежнему уклончиво и не проявлял желания связывать себя твердыми обязательствами, время для которых, как он, видимо, считал, еще не пришло.

Для принятия окончательного решения Рузвельт с нетерпением ждал результатов переговоров в Москве Гопкинса, которым придавал исключительно большое значение. Президент снабдил своего посланца рекомендательным письмом к главе советского правительства, в котором говорилось: «Я прошу Вас относиться к г-ну Гопкинсу с таким же доверием, какое Вы испытывали бы, если бы говорили лично со мной». Это был призыв к взаимопониманию, который встретил полную поддержку с советской стороны. Совершив опасный 20-часовой перелет из Лондона над полярными водами, самолет с высоким американским гостем на борту благополучно приземлился в Архангельске, откуда он был доставлен в Москву. 30 и 31 июля продолжались переговоры Гопкинса в Кремле.

В Москве помощнику президента открыто и без прикрас обрисовали обстановку на фронте, не скрывали трудностей первых месяцев войны, повлекших за собой временное отступление Красной Армии. Из бесед с И. В. Сталиным и другими советскими руководителями проницательный американец вынес убеждение, что о поражении Советского Союза не могло быть и речи, что война принимает упорный и затяжной характер и что советский народ мобилизует все силы и средства на отпор врагу. Германия уже поняла, говорил Гопкинсу глава советского правительства, что «продвижение механизированных войск по России весьма отличается от продвижения их по бульварам Бельгии и Франции». Он подчеркнул, что моральное состояние советских войск исключительно высокое и что в ближайшее время фронт стабилизируется. Беседы с главой советского правительства произвели на Гопкинса глубокое впечатление. В своем отчете Рузвельту из Москвы он писал: «...Я очень уверен в отношении этого фронта. Здесь существует безусловная решимость победить».

Переговоры с представителем президента США в Москве пролили дополнительный свет на движущие мотивы американской внешней политики, обнажили ее скрытые пружины. В частности, не могло пройти незамеченным, что, говоря о необходимости скорейшего раз-

грома Гитлера и решимости президента оказать всю возможную помощь СССР «в максимально короткий срок», Гопкинс не спешил принимать конкретные обязательства. Подчеркивая, что поставки тяжелого вооружения — танков, самолетов, зенитных орудий — могли начаться только после проведения совещания представителей СССР, США и Великобритании, он в то же время старался всячески оттянуть его открытие до середины октября.

К осени 1941 года гитлеровская Германия оккупировала территорию СССР, в два раза превышающую размеры Франции. В этот критический момент советские дипломаты настойчиво искали пути к расширению союзнических связей с США и Великобританией, усматривая в этом важный резерв в борьбе с фашизмом. Речь шла прежде всего о повышении их вклада в общие военные усилия. Наряду с предпринимаемыми попытками организовать второй фронт на Западе, все большее место в деятельности советских дипломатов занимала проблема американских военных поставок в СССР. Хотя советское правительство рассчитывало в первую очередь на собственные ресурсы, американские поставки могли облегчить борьбу советского народа с врагом. Особое значение они имели в начальный период Великой Отечественной войны, когда происходил перевод советской промышленности на военные рельсы и сотни предприятий перебазировались в глубокий тыл на восток страны.

Едва получив первую информацию от Гопкинса из Москвы, президент решил действовать. На следующий день он устроил форменный разнос на заседании кабинета виновным в волоките с поставками в СССР. Действительно, ответ Госдепартамента на первую советскую заявку охватывал менее 1% всех советских заказов. В частности, исключенными из заявки оказались оборудование по производству алюминия, высокооктанового бензина, электропечи и т. д., а самая срочная ее часть — самолеты и авиационное оборудование вообще были оставлены без внимания.

В течение 45 минут, отмечал министр финансов Г. Моргентхау, президент с «олимпийской яростью» распекал кабинет по поводу отсутствия всякого прогресса в деле помощи СССР. Когда военный министр Стимсон попробовал сослаться на «объективные трудности», президент резко его оборвал: «Достать, даже если потребуются забрать у собственной армии».

2 августа при продлении на год советско-американского торгового соглашения 1937 года Госдепартамент в ноте, переданной советскому послу, сообщил о решении правительства США «оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии». В ответной советской ноте выражалась благодарность правительству США за принятое решение и вместе с тем высказывалась уверенность, что американская помощь будет соответствовать размаху военных действий, проводимых Советским Союзом. В советском ответе легко угадывалась неудовлетворенность американской поддержкой, несоизмеримой с экономическими возможностями США и их промышленным потенциалом.

Поскольку решение многих практических вопросов упиралось в проблему финансирования советских заказов, то выход из создавшегося положения правительство СССР видело в получении у США займа в сочетании с поставками советского сырья. Вопреки существующему на Западе мнению, вопрос о предоставлении помощи в порядке ленд-лиза с советской стороны не поднимался. Речь шла о закупках необходимых материалов в США на обычных коммерческих условиях. Об этом говорилось, например, в послании И. В. Сталина Черчиллю от 3 сентября, где прямо было сказано: «продать» нужные военные материалы.

8 августа генерал Голиков и посол Уманский, выполняя указание советского правительства, встретились с министром торговли США Д. Джонсом. Основной темой беседы был вопрос о получении займа, вспоминал Ф. И. Голиков. Министр торговли выдвинул непременными условиями его решения немедленную реализацию отпускаемых средств и обеспечение со стороны Советского Союза поставок стратегического сырья в Соединенные Штаты.

Стараясь найти выход из создавшегося положения, советское правительство предложило увязать вопрос о получении в США займа в 500 млн долл. с поставками сырья в течение пяти лет после войны, в частности: марганца (1–1,2 млн т), хромовой руды (400–500 тыс. т) и др. СССР обязался продать США даже до конца 1941 года значительное количество марганца, хрома, асбеста, некоторые семена при условии, что американское правительство предоставит необходимый тоннаж для их транспортировки. Но в тот момент США не проявили интереса к советским предложениям.

В Вашингтоне хотели, чтобы Советский Союз оплачивал свои потребности на первых порах золотом. Трезво оценивая обстановку, советское правительство выразило готовность пойти на это. 15 августа было заключено соглашение, по которому СССР получал кредит в 10 млн долл. под обязательство передать США 903 тыс. тройских унций золота. 16 октября советское судно «Днепрострой», а 5 ноября «Азербайджан» доставили в США первые партии золота по 5 млн долл. каждая.

Проблема американских поставок в Советский Союз выростала до размеров «большой политики». Ею наряду с другими важнейшими военно-стратегическими вопросами занимались Рузвельт и Черчилль на Атлантической конференции, проходившей с 9 по 12 августа 1941 г. В совместном послании главе советского правительства они предлагали провести в Москве совещание по вопросу распределения «общих ресурсов» с участием высокопоставленных представителей США и Великобритании. На это предложение Советское правительство ответило согласием.

Главой американской делегации в Москве был назначен А. Гарриман — дилетант в дипломатии, зато опытный бизнесмен и финансист, совладелец банкирского дома «Браун Бразерс, Гарриман энд К°», имевшего немалые интересы в покоренных Гитлером европейских странах, особенно в Польше. Он как нельзя лучше подходил для предстоящей миссии. Ведь речь шла о поставках, измеряемых сотнями миллионов долларов.

О том, какими инструкциями должна была руководствоваться американская делегация на совещании в Москве, дает представление письмо Рузвельта военному министру Стимсону от 30 августа 1941 г.: «Я считаю делом исключительной важности для спокойствия и безопасности Америки, чтобы все разумные поставки направлялись в Россию не только сейчас, но и до тех пор, пока она продолжает эффективно бороться с державами «оси». Я убежден, что существенные и всеобъемлющие обязательства такого характера должны быть предоставлены России на предстоящей конференции».

Конференция представителей СССР, США и Великобритании — первая трехсторонняя встреча союзников в годы Великой Отечественной войны — проходила с 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве. Переговоры, по существу, начались сразу же по прибытии американской и английской делегаций в Москву —

28 сентября. В тот же вечер их руководителей принял в Кремле глава советского правительства. «Первая встреча была отмечена большим откровением со стороны Сталина, — отмечал Гарриман. — Он обрисовал в деталях военное положение, не скрывая, что оно было критическим. Сталин подчеркнул жизненную важность любой ценой удержать Москву». Он подробно остановился на соотношении сил на фронте, говорил о временном превосходстве гитлеровцев в самолетах, танках, численности войск, а затем перешел к потребностям Красной Армии в технике, а промышленности — в сырье.

А. Гарриман не хотел спешить с заявкой и считал, что следует узнать как можно больше из бесед с советскими руководителями. Эта тактика сразу же сказалась на ходе переговоров. Неудивительно, что следующая встреча с главой советского правительства, состоявшаяся вечером 29 сентября, проходила совсем в иной атмосфере. «Второй вечер, — вспоминал Гарриман, — был очень бурным. Сталин не скрывал того, что он крайне неудовлетворен нашими предложениями. Казалось, он ставил под сомнение нашу добрую волю».

Этот откровенный разговор оказал отрезвляющее воздействие на представителей США и Великобритании, которые отказались от тактики затягивания переговоров и предприняли шаги навстречу Советскому Союзу. В результате 30 сентября были согласованы основные статьи протокола поставок Советскому Союзу, а 1 октября протокол был подписан участниками конференции.

В окончательном виде он включал в себя более 70 основных видов поставок и свыше 80 наименований предметов медицинского снабжения и был рассчитан на срок до 30 июня 1942 г. Ежемесячно Советский Союз должен был получать 400 самолетов, 500 танков, 152 зенитных орудия, 1,3 тыс. противотанковых орудий, 2 тыс. т алюминия и других военных грузов — всего за девять месяцев 1,5 млн. т. Для Советского Союза было сделано важное исключение: в обмен на поставки от него не требовалась информация закрытого порядка, кроме той, которую было готово предоставить само Советское правительство.

На очередь дня остро вставал вопрос о финансировании поставок Советскому Союзу. Этот вопрос не был решен на Московской конференции, хотя советские руководители располагали сведениями о том, что президент занимался им

вплотную. Обстановка в США была напряженной. Круги, стоящие на антисоветских позициях, от крайне «изоляционистских» до католических, выступали противниками финансирования советских заказов из государственной казны. В сентябре–октябре через конгресс проходил второй законопроект об ассигнованиях на ленд-лиз. 24 сентября правый конгрессмен Г. Фиш внес в палате представителей поправку, которая исключала Советский Союз из числа получателей помощи. Представитель администрации, подчеркнув значение «русского фронта», настаивал на сохранении «свободы рук» для президента. Характерно, что комиссия палаты по ассигнованиям не только отвергла данную поправку, но и прямо высказалась в пользу распространения ленд-лиза на Советский Союз. На заседании всей палаты представителей поправка была отвергнута 162 голосами против 21.

Рузвельт понимал, что дальше откладывать решение вопроса о финансировании советских заказов было нельзя. 2 ноября 1941 г. Советское правительство получило памятную записку посольства США, в которой сообщалось, что во избежание финансовых затруднений президент отдал распоряжение о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могут производиться, согласно закону о ленд-лизе, на сумму до 1 млрд долл. В документе также указывалось, что президент одобрил московский протокол и «дал распоряжение начать поставки немедленно и продолжать производить их в наибольшем объеме». Он выразил надежду, что «Советское правительство приложит особые усилия», чтобы продать Соединенным Штатам необходимые им товары и сырье, причем выручка от поставок Соединенным Штатам будет «зачисляться на счет правительства СССР».

В ответном послании И. В. Сталина от 4 ноября говорилось, что советское правительство принимает решение президента «с искренней благодарностью как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом». В послании далее подчеркивалось: «Правительство СССР готово сделать все необходимое, чтобы поставлять Соединенным Штатам Америки те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты». Тем самым вопрос был решен не в плоскости односторонних поставок, а с учетом взаимных обязательств об оказании поддержки друг другу.

7 ноября 1941 года Конгресс США принял решение распространить на СССР программу ленд-лиза. В годы войны Вашингтон и Москва заключили четыре соглашения по условиям ленд-лиза.

Это был не безвозмездный дар союзникам — всем получателям помощи по ленд-лизу США передавали военные материалы и оружие на условиях долгосрочного кредита. Стоит напомнить, что ко времени начала войны США лишь начали оправляться от последствий Великой Депрессии, их экономика находилась далеко не в идеальном состоянии.

США распространили ленд-лиз на 30 государств, объемы американской помощи составили более 50.1 млрд долларов (почти 780 млрд по ценам 2010 года). Большая часть поставок (около 31 млрд) пришлась на долю Британского Содружества (Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и др.).

Альбер Уикс поясняет: «Есть разные данные о масштабах ленд-лиза для СССР. Многие исследователи сходятся в том, что речь идет о примерно 16 млрд долларов. Эта сумма может показаться не особо впечатляющей, однако в ту пору это были колоссальные деньги».

«США сами вели войну, но все же поставляли Советскому Союзу, Великобритании и другим участникам программы ленд-лиза то, что было необходимо им самим», — отмечает Владислав Зубок.

В частности, на долю СССР пришлось 26 процентов боеприпасов, распределенных в рамках ленд-лиза, 29 процентов машин и оборудования (в эту категорию входят самолеты, танки, трактора, грузовики и пр) и 28 процентов продовольствия

Основные данные о размерах ленд-лизовских поставок известны и не оспариваются. «Виллисы» и «студебекеры» стали основой транспортной инфраструктуры Красной армии. Прославленные советские асы — Александр Покрышкин, Борис Сафонов, Амет-хан Султан — летали на истребителях, поставленных в рамках ленд-лиза. Многие советские люди смогли выжить благодаря американским продуктам — тушенке, муке, сухому молоку и пр. «США и Великобритания наладили поставки практически всего необходимого для войны — от продуктов питания и паровозов, до самолетов и производственных линий», — говорит Альберт Уикс.

По данным американских источников, СССР получил 2 680 тыс тонн стали, более 170 тыс тонн алюминия, 29.4 тыс тонн олова,

240 тыс тонн меди, 330 тыс телефонных аппаратов, 2 тыс радаров, 5 тыс радиостанций, 900 тыс тонн взрывчатки, 18 млн пар обуви и т.д. Владислав Зубок отмечает, что «важную роль сыграли поставки ценных металлов, без которых нельзя производить броню. Иначе не объяснить, каким образом СССР смог существенно увеличить производство танков».

До сих пор ведутся споры о том, насколько значительной оказалась американская помощь и каков ее реальный вклад в победы Красной армии. В частности, оценки от доли ленд-лиза к объемам советского производства варьируются от 4 до 16-ти процентов. Анализ официальной статистики показывает, что 70 из каждых ста автомобилей Красной армии, каждый десятый танк, каждый четвертый истребитель, девять из десяти паровозов были поставлены по ленд-лизу.

Уикс резюмирует: «Однозначно, что ленд-лиз очень серьезно помог СССР в его войне с вермахтом. Жуков и Сталин отмечали, что без этой помощи война продолжалась бы намного дольше».

Что касается практической стороны вопроса, то механизм поставок раскручивался очень медленно и с большим скрипом. В конце августа из США в СССР были отправлены первые военные грузы. График поставок постоянно срывался: то необходимых материалов «не было в наличии», то не хватало транспортных средств и т. д.

Дело существенным образом не улучшилось и после Московской конференции. Американский автор Л. Мартель, основательно исследовавший эту проблему по архивам Госдепартамента, отмечал: «Подписание первого протокола в Москве в октябре 1941 г. и заявление о распространении ленд-лиза на Россию месяцем позже не открыли шлюзы для широкого потока материалов сражающейся Красной Армии. Помощь России в конце концов действительно увеличилась с тоненького ручейка до существенного потока грузов, но в первые критические месяцы войны на ее пути постоянно возникали препятствия».

Об этом говорили конкретные факты. 22 ноября советское посольство в Вашингтоне обращало внимание Госдепартамента на «серьезное положение с доставкой материалов и других грузов из США в СССР». К 21 ноября октябрьские (!) поставки были выполнены: по грузовикам — на 37 %, по самолетам — на 30, по танкам — на 43, по «виллисам» — на 27 %. В советском меморандуме указывалось, что ситуация с поставками «в высшей степени критическая» и ее необходимо как можно скорее исправить.

К сожалению, до конца года эту ситуацию изменить к лучшему так и не удалось. Как признают А. Браун и Ч. Макдональд, «хотя Англия и США заявили о своем намерении оказать помощь России, поставки осуществлялись столь медленно, что это наводило на мысль, не приняли ли обе страны на вооружение политику скрытого нейтралитета». Как известно, всего до конца 1941 года в СССР были направлены материалы из США стоимостью 545 тыс. долл. при общей запланированной сумме американских поставок в этом году в 741 млн. долл. Это означало, что Советский Союз получил менее 0,1 % всей американской помощи в самый тяжелый период войны.

Но были и позитивные сдвиги. Еще 23 июля Госдепартамент отменил запреты на поездки советских граждан по территории США, введенные накануне войны. Советские специалисты получили возможность свободно бывать на американских военных предприятиях, знакомиться с новыми типами военной техники, оборудования, технологией производства. В ноябре, например, группа советских инженеров и военных специалистов посетила авиационные предприятия компаний «Дуглас» и «Норт Америкэн авиэйшн» в Калифорнии.

В октябре военное ведомство США пригласило представителей советского посольства на **маневры** в Южной Каролине. Советские летчики, используя богатый опыт перелетов в Америку в 1930-х годах, осваивали воздушный маршрут в США через Аляску, сыгравший большую роль в установлении связи между двумя странами в годы войны. Они получили возможность ознакомиться с новыми типами американских самолетов. В октябре советские летчики совершали пробные полеты с аэродрома Патерсон (штат Огайо).

Но в декабре 1941 г., после нападения Японии на американский флот в Перл-Харборе и начала войны на Тихом океане, нависла угроза над американскими поставками в Советский Союз. Военные чины требовали немедленно свернуть их и думать только о собственной армии. В середине января 1942 года американскому представителю по ленд-лизу в Москве генералу Феймонвиллю было заявлено, что вместо 705 обещанных танков СССР получил только 16, а вместо 600 самолетов — 85.

Если в декабре 1941 года из портов США отплыло в Советский Союз 25 судов, то в январе 1942 года — 24, а в феврале — 19. Учитывая настроения в Москве в связи с обострением вопроса о поставках, Рузвельт 13 февраля лично

известил главу советского правительства о принятом решении предоставить СССР второй миллиард долларов в счет поставок по ленд-лизу на тех же условиях, на которых был предоставлен первый, с последующим возможным пересмотром финансовых обязательств. Советское правительство приняло это решение «с искренней благодарностью», но дало понять, что было заинтересовано в изменении финансовых условий при «соответствующем учете крайнего напряжения ресурсов Советского Союза в войне с нашим общим врагом». Речь шла о желательности полного перевода американских поставок на основу закона о ленд-лизе.

В своем послании от 18 февраля 1942 г. глава советского правительства в достаточно деликатной форме дал почувствовать свое недовольство перебоями с поставками. «Должен подтвердить, — писал он, — что именно в настоящий момент, когда народы Советского Союза и его армия напрягают все усилия, чтобы своим упорным наступлением отбросить дальше гитлеровские войска, выполнение американских поставок, в том числе по танкам и самолетам, имеет важное значение для нашего общего дела, для наших дальнейших успехов».

Чтобы ускорить дело с поставками в СССР, Рузвельт был вынужден отдать распоряжения ряду правительственных ведомств, занимающихся вопросами производства и снабжения, отправлять все обещанные грузы в Россию без задержек, «независимо от всех других обстоятельств». Тем не менее дело подвигалось по-прежнему медленно. Суда скапливались в Исландии и Англии, ожидая конвоев для отправки в Мурманск и Архангельск.

Советским представителям в США, ведающим вопросами поставок, приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы преодолеть сопротивление американской бюрократии, особенно в среде военных. Дж. Хэзард, занимавший в годы войны высокий пост в ведомстве по ленд-лизу, позднее вспоминал о «советской находчивости» в поиске лиц в администрации, которые были дружественно настроены к Советскому Союзу и могли ускорить решение тех или иных вопросов. «Пусть те, кто имеет дело с советскими представителями, — напутствовал он американских должностных лиц, — никогда не думают, что они не знают, что делается вокруг. Их юридический штат укомплектован способными людьми, которые читают все и которые готовы твердо отстаивать свою точку зрения».

Хэзард рассказывал характерный эпизод, проливающий свет на ту атмосферу, в которой приходилось работать советским представителям. Однажды члену советской закупочной комиссии генералу ВВС пришлось в пятый (!) раз обратиться к американским властям с просьбой ускорить решение вопроса о поставках крайне необходимого военного снаряжения. Когда просьба была, наконец, удовлетворена, у американского чиновника хватило духу спросить советского представителя, почему он не выразил благодарности, а сразу же перешел к следующему вопросу. На это последовал исполненный глубокого смысла ответ, что если бы Красная Армия останавливалась праздновать освобождение каждой деревни, то было бы упущено время для освобождения следующей.

Придавая большое значение скорейшей организации второго фронта, советское правительство пошло навстречу просьбе президента Рузвельта в целях высвобождения необходимого тоннажа сократить список запрошенных им поставок на 1942/43 договорный год. Этот вопрос затрагивался во время визита в Вашингтон В. М. Молотова в июне 1942 г. При обсуждении этого вопроса с президентом нарком указал на нежелательность такого сокращения и подчеркнул, что «второй фронт будет выгоден, если будет крепок первый, то есть советско-германский фронт». Присутствовавший на беседе М. М. Литвинов резонно заметил: «Не получится ли так, что снабжение будет сокращено, а второго фронта не окажется?» Несмотря на эти законные опасения, Советское правительство 7 июня поручило наркому вести дело к тому, чтобы «второй фронт был организован и приведен в действие в этом году. Это при условии, что СССР заявку на тоннаж сокращает».

Важным итогом переговоров в Вашингтоне явилось также «Соглашение между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», подписанное М. М. Литвиновым и К. Хэллом 11 июня 1942 г., уже после отъезда наркома из Вашингтона. Стороны обязались продолжать оказывать содействие друг другу в деле укрепления их обороноспособности. Это соглашение, заменившее ранее достигнутые договоренности о порядке американских поставок в СССР по ленд-лизу, предполагало развитие широкого экономического сотрудничества между двумя странами после войны. Аналогичные соглашения, более известные как соглашения по ленд-

лизу, были ранее подписаны с Англией и рядом других стран. Заключение советско-английского договора и советско-американского соглашения завершило создание антифашистской коалиции и предполагало продолжение сотрудничества трех великих держав на будущее.

После коренного перелома в ходе войны, осуществленного Красной Армией в сражениях под Сталинградом и на Курской дуге, вопросы ленд-лиза всё чаще стали объективно пересекаться с вопросами послевоенного восстановления СССР. Некоторые поставки можно было рассматривать как товары и грузы «двойного назначения» с возможностью их использования в мирное время. Теоретически говоря, от американцев можно было ожидать взаимопонимания в этом вопросе в отношении государства, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны. Но это было бы за рамками своекорыстной политики XX столетия, особенно со стороны государства, построенного на основе жёсткой бизнес-этики. СССР мог рассчитывать на американские шаги навстречу только в ответ на значительные политические уступки со своей стороны в вопросах послевоенного урегулирования. Или, как отмечал посол Гарриман в своей служебной переписке с Вашингтоном, «в качестве награды, которую они могут получить от нас при условии участия в международной игре с нами, согласно нашим правилам». В телеграмме Хэллу от 13 марта 1944 г. посол прямо указывал: «Экономическая помощь является одним из самых эффективных орудий в нашем распоряжении, чтобы оказывать воздействие на европейские политические события в нужном направлении».

Подобные установки стали определять мотивации американской дипломатии. Это подтверждал сложный ход советско-американских переговоров, начавшихся в мае 1944 года в Вашингтоне, по вопросу подготовки дополнительного соглашения к основному соглашению по ленд-лизу об условиях продажи Советскому Союзу в кредит американского промышленного оборудования.

Естественно, что, чем ближе был конец войны, тем большее значение для СССР имели не чисто военные поставки — ими в достаточном количестве обеспечивала армию отечественная промышленность, а различное оборудование, которое могло занять место изношенного в военное время. В третьем протоколе по ленд-лизу советские заявки на него составили 300 млн долл., а в четвертом — 1 млрд долл. Вполне ло-

гично было ожидать, что США пойдут на удовлетворение нужд союзника, вынесшего основное бремя общих военных усилий.

Но американская сторона отказалась поставить Советскому Союзу промышленное оборудование, на установку которого требовалось более 18 месяцев, на условиях ленд-лиза и предложила закупить его. Из Москвы на это было отвечено согласием, хотя предложение американцев трудно было назвать великодушным. Однако начавшиеся переговоры быстро зашли в тупик из-за неприемлемых для Советского Союза финансовых условий соглашения. Надо было искать выход из создавшегося положения. 30 октября 1944 г. посол СССР в США А. А. Громыко уведомил Госдепартамент о намерении советского правительства представить свои соображения по вопросу о долгосрочном кредите. При этом в полной мере учитывалось, что США к этому времени уже согласились предоставить кредиты на восстановление Великобритании в 6,5 млрд долл. и Франции — в 900 млн долл., вклад которых в военные усилия союзников был несоизмерим с вкладом Советского Союза.

Как известно, вопрос о кредите долго обсуждался по линии НКВД и посольства США в Москве, но в конце концов зашёл в тупик из-за противодействия таких людей, как А. Гарриман, которые хотели его использовать в качестве «политического оружия». Было бы неверно считать, что логика Гарримана, свидетельствующая лишь о слабости позиций американской дипломатии и о ее неумении соизмерять поставленные цели с имеющимися средствами их осуществления, встретила понимание всех без исключения Вашингтонских политиков. В то время многие из них еще не разучились трезво мыслить. Догадываясь, куда ведут дело «люди Госдепартамента», министр финансов Г. Моргентау направил Рузвельту меморандум, в котором выступал за сотрудничество с Советским Союзом. «Речь идет не о ленд-лизе или о какой-либо другой форме помощи, — отмечал он, — а скорее о договоренности, которая будет иметь вполне определенные и долговременные выгоды как для Соединенных Штатов, так и для России».

Предложения Моргентау вызвали нескрываемое беспокойство и раздражение в Госдепартаменте и во внешнеэкономическом управлении, где с удовлетворением восприняли точку зрения Гарримана. Министр лез не в свое дело и путал торговлю с политикой, считали там. Было решено отклонить его идеи и для начала затянуть реше-

ние вопроса. 17 января 1945 г. состоялось межведомственное совещание в кабинете госсекретаря Стеттиниуса, сменившего ушедшего в отставку Хэлла. Министр финансов подверг резкой критике линию Госдепартамента на переговорах с русскими по дополнительному соглашению о ленд-лизе, подчеркнув, что Госдепартамент «пытался торговаться с советскими представителями и придирается к ним», вместо того чтобы «сделать ясные и весьма благоприятные предложения, которые Советское правительство расценило бы как конкретный жест доброй воли». Он выступил в поддержку предоставления Советскому Союзу долгосрочного кредита, отметив, что «такой жест с американской стороны убедит Советское правительство в решимости США сотрудничать с ним и развеет любые подозрения, которые советская сторона могла иметь в отношении американских будущих действий».

Как известно, «линия Morgентау» не получила поддержки в Вашингтоне, особенно с приходом в Белый дом Г. Трумэна. Поставки СССР по ленд-лизу заканчивались большим конфузом по вине американской стороны.

Утром 12 мая посольству СССР в Вашингтоне стало известно, что американские власти отменили распоряжение прекратить погрузку судов, следующих в Советский Союз в соответствии с соглашением о ленд-лизе. Не в силах поверить, что США могли совершить столь недружественный шаг в отношении союзника спустя всего лишь три дня после победы в Европе и накануне предстоящего вступления СССР в войну против Японии, Временный Поверенный в делах СССР в США Н. В. Новиков (посол А. А. Громыко был на конференции в Сан-Франциско) немедленно обратился по телефону за разъяснением к исполняющему обязанности государственного секретаря Дж. Грю. Тот уклончиво сослался на отправленную Госдепартаментом в посольство ноту по этому вопросу. Задним числом в ней сообщалось следующее: «Поставки СССР на основе текущей программы по ленд-лизу будут немедленно пересмотрены, принимая во внимание конец военных действий в Европе».

Демонстративные действия американского правительства в отношении союзника, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны с Германией, которые не затронули другие страны — получатели помощи по ленд-лизу, в частности Великобританию, вызвали взрыв возмущения в Москве. Их политический подтекст был ясен. Не случайно в своих мемуарах

Трумэн постарался снять с себя ответственность за принятое решение, утверждая, что он подписал «подсунутый» ему правительственными чиновниками документ якобы «не глядя». «Если бы я прочел приказ, — лицемерно сокрушался он, — инцидент не произошел бы».

На самом деле действия правительства США явились преднамеренной политической акцией, подготовка которой началась вскоре после смены власти в Вашингтоне, и преследовали цель оказать давление на Советский Союз. Участвовавший в предварительном обсуждении этого вопроса в Госдепартаменте генерал Линкольн сообщал генералу Маршаллу: «Присутствовавшие на совещании чиновники Госдепартамента дали понять, что они рассматривают ленд-лиз в качестве политического оружия в связи с нашими трудностями с русскими в Центральной Европе». Хорошо отдавал себе отчет в том, что делал, и сам президент, когда на его столе оказался злополучный документ. Его предупредили, что следует ожидать «резкой реакции» со стороны СССР. Тем не менее рука президента не дрогнула. По мнению Дж. Херринга, эта акция правительства США явилась «серьезной дипломатической ошибкой», которая «обозначила рубеж в переходе от союза военного времени к враждебности „холодной войны“».

Советскому правительству оставалось только поражаться наивности тех, кто пытался добиться далеко идущих политических целей применением явно неадекватных средств. Отрезвление в Вашингтоне наступило быстро. В ответной советской ноте от 16 мая говорилось: «Советское Правительство получило ноту заместителя государственного секретаря г-на Грю от 12 мая относительно прекращения поставок Советскому Союзу по ленд-лизу. Указанная нота и прекращение поставок явились для Советского Правительства полной неожиданностью. Однако если Правительство Соединенных Штатов Америки не видит другого выхода, то Советское Правительство готово принять к сведению указанные решения Правительства США».

По тону советского ответа в Вашингтоне легко могли понять, что последствия дипломатической опрометчивости могут быть самыми серьезными. Как-никак предстояло ещё выиграть войну с Японией, где участие СССР было крайне необходимо. Выбор вновь, как это было в 1941 г., пал на отошедшего от дел Гопкинса. С подачи Гарримана вопрос о его поездке в Москву был решен без долгих проволочек.

Советское правительство тут же ответило согласием и было готово к урегулированию возникших разногласий.

В Москве Гопкинса ждали радушный прием и... справедливая критика политики американского руководства. Глава советского правительства указал, что в отношениях США и Советского Союза наступило «заметное охлаждение», как только Германия потерпела поражение. Он подчеркнул, что правительство США отходит от ялтинских соглашений, и в качестве конкретного примера привлек внимание собеседника к вопросу о прекращении поставок по ленд-лизу. «Если отказом от дальнейших поставок по ленд-лизу имелось в виду оказать давление на русских с целью сделать их более уступчивыми, то это было большой ошибкой», — заметил он. Сталин добавил, что если говорить с Советским Союзом начистоту, по-дружески, то можно многое сделать, но репрессии, в какой бы форме они ни применялись, приведут к диаметрально противоположному результату.

Посланец Белого дома как мог старался сгладить впечатление, произведенное действиями американских руководителей. Он выражал неподдельную тревогу и озабоченность по поводу состояния советско-американских отношений, взывал к успешному опыту преодоления разногласий в прошлом и высказывался за поиск общей основы для сотрудничества в интересах «будущего благополучия сотен миллионов людей». Эти позитивные мысли получили полную поддержку со стороны советского руководства. Вопрос о ленд-лизе был закрыт и не перерос в нечто большее на послевоенный период в советско-американских отношениях.

В августе 1945 года президент США Гарри Трумэн объявил о прекращении действия программы ленд-лиза. В течение 15 лет после окончания войны большинство стран, получавших американскую помощь, заключили соглашения с Вашингтоном о частичном погашении долгов по ленд-лизу. Конгресс согласился предоставить скидку на этот долг в размере 90 процентов.

СССР долгое время отказывался признавать свои обязательства по ленд-лизу. «Сталин и Молотов категорически отказались выплачивать долги по ленд-лизу, — рассказывает Владислав Зубок. — Это был один из серьезнейших раздражителей в двусторонних отношениях. Советская пресса постоянно твердила: «посмотрите на мелочных американцев, которые требуют денег, в то время как у нас погибло так много людей!».

А для США получение оплаты за ленд-лиз было делом принципа: американское общество построено на уважении условий соглашений, поэтому ему было совершенно непонятно, почему русские не хотят соблюдать договор».

Тем не менее, США и СССР заключили соответствующее соглашение в 1972 году. Тогда СССР обязался поэтапно выплатить США 722 млн долларов, перечислив последний взнос в 2001 году. После распада СССР, долг по ленд-лизу приняла на себя Россия.

Крупнейший получатель американской помощи — Великобритания — завершила выплаты пять лет назад.

Так какое же значение всё-таки имел ленд-лиз для советских военных усилий? Обратимся к авторитетному свидетельству маршала Г. К. Жукова, который в послевоенных беседах с писателем К. М. Симоновым заявил: «Говоря о нашей подготовленности к войне с точки зрения хозяйства, экономики, нельзя замалчивать и такой фактор, как последующая помощь со стороны союзников. Прежде всего, конечно, со стороны американцев, потому что англичане в этом смысле помогали нам минимально. При анализе всех сторон войны это нельзя сбрасывать со счетов. Мы были бы в тяжелом положении без американских порохов, мы не могли бы выпускать такое количество боеприпасов, которое нам было необходимо. Без американских „студебеккеров“ нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтной транспорт. Выпуск специальных сталей, необходимых для самых разных нужд войны, был тоже связан с рядом американских поставок». Достоверность передачи К. М. Симоновым этих бесед с Г. К. Жуковым, состоявшихся в 1965–1966 гг., подтверждается высказываниями Г. К. Жукова, зафиксированными в результате прослушивания органами безопасности в 1963 г.: «Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогли... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии».